

А. И. Куприянов

**«МАТЕРИ» И «ДОЧЕРИ» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ДВОРЯНСКИХ ВЫБОРОВ 1820–1850-х гг.:
МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ЛИТЕРАТУРОЙ***

УДК 94(470)“18”:82.3

ББК 63(2)521+83.3(2=411.2)52

В статье рассматриваются проблемы включения женщин в публичное пространство дворянских выборов. Гендерные аспекты участия женщин в выборах анализируются в контексте формирования дворянской публичной сферы, предшествовавшей буржуазной публичной сфере. Благодаря открытому характеру выборы сыграли важную роль в приобщении женщин-дворянок к общественной жизни. Цели и мотивы участия в губернских дворянских съездах женщин разных поколений рассмотрены на материалах русской беллетристики конца 1820-х — начала 1860-х гг. Тексты авторов беллетристических произведений о дворянских выборах (Г. Ф. Квитка, Д. И. Брайкевич, В. В. Селиванов, Ф. А. Зиновьев) позволяют проследить эволюцию электорального поведения женщин разных возрастных страт. Дворянки среднего и старшего поколений («матери») приезжали в губернский город с двумя целями — способствовать успеху избирательных кампаний мужей и найти подходящую партию для «дочерей». «Матери», как правило, находясь вне публичного пространства выборов, вносили свою лепту в дело борьбы дворянских группировок. «Дочери» оставались на обочине выборов. Например, в пьесах Г. Ф. Квитки и Д. И. Брайкевича они выступали как товар, средство для укрепления электорального капитала «отцов». У В. В. Селиванова женщины впервые описаны как часть электората. В беллетристике начала 1860-х гг. появились новые черты в электоральном поведении дворянок среднего и молодого поколений: присутствие на выборах в качестве публики, активное участие «матерей» в борьбе «партий».

Ключевые слова: *Россия, дворянство, публичная сфера, публичное пространство, гражданское общество, гендер, выборы, литература*

В России дворянская публичная сфера предшествовала буржуазной публичной сфере, важность которой в переходе от традиционного к современному обществу обосновал Ю. Хабермас.¹ Категория «дворянская публичная сфера» — полезный инструмент исторического анализа проблемы формирования и развития буржуазной (демократической, «разночинной») публичной сферы. Эта категория, вытекающая из современных научных представлений о множественности конкурирующих публичных сфер, позволяет локализовать процесс появления собственно буржуазной публичной сферы, отделив ее от дворянской и «постбуржуазной» (хотя последнее для России в силу Октябрьской революции 1917 г. оказалось неактуально). Она также дает воз-

можность точнее описать процессы возникновения предпосылок и формирования публичной сферы конкретно в условиях России, где дворянство доминировало до эпохи Великих реформ и преобладало в политической и культурной сферах до рубежа XIX и XX вв.

Дворянскую публичную сферу характеризуют такие черты, как сословный характер, коммуникация, выстраиваемая преимущественно на межличностной основе («face to face»), более слабая роль профессиональных ученых, литераторов, журналистов и средств массовой информации. Предпосылки для формирования публичной сферы возникают после освобождения дворянства от обязательной службы государству в 1762 г. Среди этих предпосылок, таких как появление частных типографий, литературных журналов, клубов, благородных собраний и др., особо выделяются дворянские выборы, которые в процессе реализации губернской реформы 1775 г. стали проводиться регулярно, через 3 года. Выборы создавали в провинции уникальное по напряженности коммуникационное поле, действие которого не ограничивалось датами их проведения.

¹ См.: Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989.

Куприянов Александр Иванович — д.и.н., в.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)
E-mail: akouprianov@rambler.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 15-01-00325 «Российское благородное собрание в контексте формирования публичной сферы в России», рук. А. И. Куприянов

В отечественной историографии, как дореволюционной, так и современной, не уделялось специального внимания гендерным аспектам дворянских выборов. Исследователи дворянства ограничивались лаконичной характеристикой российского законодательства, регулировавшего избирательное право женщин. Редкое исключение — статья Е. С. Корчминой, в которой на материалах Рязанской губернии анализируется участие дворянок в сословных выборах в первой половине XIX в.²

Настоящая статья во многом имеет экспериментальный характер. В ней рассматриваются роли женщин разных поколений в публичном пространстве дворянских выборов. Исследование гендерных проблем формирования публичной сферы не может опираться лишь на делопроизводственные документы о выборах, свидетельства мемуаристов и переписку. Необходимость расширения источниковой базы за счет произведений художественной литературы диктуется, по крайней мере, двумя важными факторами. Во-первых, официальным характером документации о выборах. Мемуарные и эпистолярные источники о дворянских выборах сохранили не так много свидетельств отношения современников к происходившим на выборах событиям и роли в них женщин. Во-вторых, журналистика и литература того времени не только отражали реальные процессы, происходившие на дворянских выборах, но и сами являлись важной частью публичной сферы. Читающая публика под влиянием публицистики и беллетристики анализировала окружающую действительность и развивала культуру критического суждения, формирующуюся на рациональной основе. Уже поэтому они, особенно литература (в прессе до 1860-х гг. был запрет на обсуждение актуальных вопросов внутренней политики), заслуживают самого пристального внимания. Особую ценность литературе как источнику придает то обстоятельство, что авторы были непосредственными участниками электорального процесса — избирателями или кандидатами, поэтому разбирались в мотивах поведения избирателей, в тонкостях закулисной борьбы «партий» и в психологии кандидатов.

В результате электоральной реформы 1831–1832 гг. женщины-дворянки, обладавшие круп-

ной собственностью (100 душ крепостных мужского пола или 3 тыс. десятин земли), получили активное избирательное право: они могли передать свой голос одному из потомственных дворян, способному участвовать в губернском дворянском съезде.³ Стала ли эта реформа водоразделом в публичной жизни женщин-дворянок? Произошло ли такое изменение ролевого поведения дворянок в электоральной кампании, которое позволило бы говорить о наличии разных поколений дворянских женщин в социальном аспекте? Попробуем найти ответ на этот вопрос в русской литературе того времени.

Накануне электоральной реформы были опубликованы две пьесы Г. Ф. Квитки — «Дворянские выборы» (1829) и «Дворянские выборы, часть вторая, или Выборы исправника» (1830). Пьесы бывшего харьковского уездного предводителя дворянства пользовались вниманием публики (около 1 тыс. экземпляров первой было распродано за 2 месяца), но не были разрешены к постановке на сцене (первая по личному указанию ознакомившегося с ней императора). До запрета труппа Харьковского театра под руководством И. Штейна успела дать представления в Харькове, Таганроге и некоторых других городах. III отделение в сентябре 1829 г. дало указание гражданскому губернатору М. И. Каховскому принять меры, чтобы «Дворянские выборы» на сцене не ставились.⁴

Главные отрицательные персонажи пьесы Староплутов и Ненасытин приезжают на выборы в сопровождении жен и дочерей (племянницы и падчерицы). Цели приезда женщин обозначила служанка Надежка: «Барыня приехала для закупок, а Анну Михайловну привезли как товар, чтобы лицом продать».⁵ Жены Староплутова и Ненасытина также организуют застолья для сторонников своих мужей. Но во второй пьесе раскрывается иная грань роли помещицы — жены земского исправника на выборах: «и как жена его помогает ему в отправлении должности обеими руками, то и она здесь». Когда супруги обсуждают расходы на предстоящий ужин для дворян уезда, Матрена Спиридоновна предлагает устроить его за счет податей с крестьян: «Ведь пирушку делаешь по должности, так и не клади своих

² См.: Корчмина Е. С. «Набрать поболее дамских уполномочий»: участие дворянок в сословных выборах в России в первой половине XIX в. (по материалам Рязанской губернии) // Российская история. 2015. № 6. С. 18–25.

³ См.: Куприянов А. И. Дворянские выборы в России (1831–1861 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 1. С. 51–60.

⁴ URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Lit/K/KvitkaOsnovjanenko/Dramas/DvorVyborny.html> (дата обращения: 05.09.2016).

⁵ Квитка Г. Ф. Сочинения. Харьков, 1894. Т. 6. С. 225.

денег. Подушные у меня, из них должно расход вести. А ежели бы и случилось сдавать, так счетами да перечетами можно убыль на голов накинуть; а удастся усидеть на месте, так и причислится к недоимке». Исправник соглашается с супругой: «И то правда, ты эти дела лучше знаешь (курсив мой. — А. К.)».⁶

Узнав об избрании мужа исправником, героиня немедленно начинает «пользоваться случаем», вымогая деньги и назначая новые поборы: «Привезите, таки привезите; чего не доvezете, я после вспомню, да и сама скоро поеду». Исправница готова отдельно от мужа ездить по уезду, собирая с крестьян дань: «Тотчас поехала бы, будто по родным, да мимоездом по всем волостям. Бабы, девки, все ко мне с поклоном, а головам приказ — принести того и того. Вот с разных сторон и съехались бы, муж с одной, а я с другой, и всякий бы с своим благоприобретенным».⁷

Матрена Спиридоновна обнаруживает сметливый ум и умение пользоваться «случаем», вербуя жениха дочери — майора Скромова — и его армейского приятеля предводителя Твердова на сторону мужа: «Я обеими руками, но с условием... посодействуйте, батюшка, чтоб мой Демьян Терентьевич был выбран в исправники... Да Вы наш предводитель, Вы прикажите дворянству построже, чтобы непременно выбрали его исправником, — без того, дескать, никого домой не отпущу, а другой чтоб никто не смел баллотироваться. Струсят да и выберут».⁸ Она хорошо знакома с закулисной стороной выборов, отлично разбирается в психологии провинциального дворянства, для которого характерно заискивание перед начальством, пресмыкательство перед богатыми и чиновными, патернализм, конформизм («трусость»). Идеи по вербовке сторонников и по использованию административного ресурса принадлежат именно ей. Правда исправница выражает их простодушно и цинично, а муж использует более обтекаемые формулировки, сглаживая острые высказывания супруги.

Супруги Ненасытины вместе выработали тактику борьбы. «Я все хитрил, как условился», — рассказывает жене супруг о своем избрании. После указа губернатора об отстранении Ненасытина от выборов, Матрена Спиридоновна проявляет больше воли к борьбе, чем он: «Я перед всем светом буду кричать: как мог губерна-

тор вмешиваться в дворянские дела? Это ему запрещено. Да как он смел нас обижать? Просьбу, Демьян Терентьевич, сейчас подавай на него, просьбу!... Куда хочешь: в земский, уездный, губернский, столичный, — в какой хочешь суд, да только подавай... Жива не хочу быть, а этого дела не оставлю. В век не прощу этой обиды!»⁹

Любовь не мешает Ненасытиной обманывать мужа в хозяйственных вопросах. На ужин для уездных дворян она запрашивает 200 руб., которые пойдут на иные цели. «Так, мой друг, учись и ты. Это не обман, а экономия...», — поучает мать свою дочь.¹⁰ У Матрены Спиридоновны оправдания готовы на все: берет ли муж взятки, устанавливает ли она поборы с казенных крестьян, устраивает ли пирушку для сторонников мужа из собранных податей, обманывает ли супруга. Очевидно, что она испытывает определенный моральный дискомфорт, ощущая противоречие между идеальной нормой и своими повседневными практиками. Об этом свидетельствуют не только ее самооправдания, но и спешная попытка скрыть обильные крестьянские «дары» от приехавшей с визитом знакомой. Выросшая в среде мелкопоместного дворянства и уездного чиновничества, она постоянно испытывала нехватку средств для поддержания «благородного» стандарта жизни, отсюда ее стремление «выхватить кусочек» для счастья.

«Дочери» у Г. Ф. Квитки не похожи на «матерей»: они благонаравны, с хорошими манерами, тонким вкусом и тактом, умеренны в потребностях. В будущем муже девушки ищут не богатство, высокий чин или светский лоск, но ум, гуманность, уважительное отношение к женщине и т. д. «Дочери» постоянно трудятся, т. е. занимаются рукоделием, и заявляют, что, став хозяйкой дома, будут во все вникать, гуманно относиться к дворовым, подавая им пример неустанного трудолюбия. Все это вызывает непонимание у поколения «матерей», которые считают, что трудолюбие прилично лишь бедной дворянке. Словом, просвещенные «дочери» являются полной противоположностью малообразованных «матерей». Лишь истинное просвещение, по мнению писателя, способно изменить нравственный облик провинциального дворянства.

С каким запасом знаний о русской провинции прибыли в губернский город две барышни,

⁶ Там же. С. 339.

⁷ Там же. С. 360, 365.

⁸ Там же. С. 357, 358.

⁹ Там же. С. 365, 368.

¹⁰ Там же. С. 339, 340.

недавно выпущенные из столичных институтов? В пьесах Г. Ф. Квитки об этом ничего нет. Но о запасе жизненных знаний институток можно узнать из мемуаров А. О. Смирновой-Россет. Автор дневников и воспоминаний — сверстница литературных героинь Г. Ф. Квитки, как и они, родилась в провинции, в небогатой семье, воспитывалась в закрытом учебном заведении, затем стала фрейлиной при императорском дворе, хотя могла бы и не получить этого места, а отправиться к родственникам в провинцию. В любом случае однотипность программ обучения в женских институтах позволяет утверждать, что ее литературные «подруги» обладали такими же знаниями о провинциальной действительности, что и она.

Показателен отрывок из мемуаров А. О. Смирновой о поездке к мужу, назначенному губернатором в Калугу: «Мы ночевали у уездного предводителя, которого не посадили, а заставили стоять у притолки, не подозревая, что он не только персона, но даже особа... На другой день Ник. Мих. (муж — А. К.) посвятил меня в complication служебной иерархии, я не подозревала, что огромная Россия поддерживается такими тузами... председателями гражданской, уголовной, казенной палат, что есть такое судилище, как губернское правление...»¹¹

Итак, «муза русской литературы» не имела, оказывается, ни малейшего представления ни о местном управлении, ни о мотивах людей, служивших по дворянским выборам. Сопровождавшая мемуаристку княжна Цицианова была осведомлена об этом не лучше. А. О. Смирнова пишет: «Предводитель предложил ехать вперед и прокладывать нам дорогу... Княжна смеялась и говорила: “Ma parole d’honneur, il ne quitte la boue”». ¹² Удивительно, но они даже не пытались понять, что же преобладает в этой готовности предводителя «прокладывать дорогу» — стремление оказать услугу губернаторше или желание сделать путешествие молодых и привлекательных женщин более безопасным. Нет, обе дамы видят в предводителе дворянства барышника, промышляющего оказанием мелких услуг богатым путешественникам. Показателен эпизод из мемуаров А. О. Смирновой: «К обеду был приглашен мой провожатый, исправник. Я тотчас по приезде спросила Ник. Михайло-

вича: “Я полагаю, что довольно, если я заплачу ему пятьдесят руб.” Он так и ахнул: “Ведь это дворянин и служит бесплатно по выбору всего уездного дворянства”». ¹³ Диалог супругов — прекрасная иллюстрация того, что мужская и женская картины мира столичной знати весьма разнились между собой. Стоит ли удивляться тому, что из мемуаров А. О. Смирновой даже не понятно, кем же был ее добровольный провожатый — уездным предводителем дворянства или исправником?

Багаж знаний, с которым выпускницы женских институтов вступали в жизнь, не изменился и через 30 лет после пьес Г. Ф. Квитки. Так, другая институтка вспоминала о своей поездке на выборы в конце 1850-х гг.: «Были раз в губернском городе по случаю выборов и на балах в дворянском собрании. Но тут лучше всего нам нравилось кататься... и заезжать в фруктовые магазины для закупки всевозможных гостинцев». ¹⁴ Подобные «вовлеченность» и «глубина» проникновения в смысл событий отмечаются и у литературных персонажей. Например, Тихина, буквально воспринимает отговорки дяди о том, что он не хочет служить. Поэтому она удивляется радости тетки, разложившей пасьянс на избрание мужа исправником. Но «матери» — жены небогатых помещиков, подобные Староплutowой и Ненасытиной из «Дворянских выборов», которые и книг-то никаких не читали, знали законы и разбирались в тонкостях интриг и обходных маневрах электоральной борьбы.

У Г. Ф. Квитки «дочери» оказались там, где им и надлежало быть, — на обочине дворянских выборов. Жена губернского стряпчего разъясняет Софье цель ее приезда на выборы: «Твое дело девичье, ты сиди и терпеливо ожидай, кого родители тебе выберут, а я им готова помогать. Не тот, так другой; теперь съезд, выборы — выбирай любого». ¹⁵ Матрена Спиридоновна никогда об этом не забывает: покупает дочери наряды, вызывает французскую модистку, вместо которой является толстая баба, стремящаяся сбыть уездным жительницам «всякую дрянь». Кроме произведенных покупок, Матрена Спиридоновна запрашивает у мужа еще «сотенку» на обновы для дочери, а деньги предлагает включить в расходы якобы на ужин, наконец, наставляет

¹¹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 64–65.

¹² Честное слово, он не пропускает своих чаевых (фр.). Там же. С. 64.

¹³ Там же. С. 65.

¹⁴ Новоселова Е. М. Воспоминания 50-х годов. Памяти отца // Русская старина. 1911. Т. 148, № 10. С. 98–111.

¹⁵ Квитка Г. Ф. Указ. соч. С. 342.

супруга о гостях: «Да подзывай к нам на ужин поболее холостых».

Матрена Спиридоновна решает сразу две задачи — добиться избрания мужа на должность исправника и выдать дочь замуж. Она тяжело переживает фиаско на выборах, но, осознав, что о лучшей партии для дочери не приходится и мечтать, на слова мужа о его поруганной «чести» назидательно заявляет: «Мать, горячо любящая дочь свою, должна иметь в виду одно ее счастье». Оставшись одна, Матрена Спиридоновна подводит итоги своего пребывания на губернском съезде: «Оно не совсем дурно. Приданое от тетушки... богатый зять, да еще и исправник! <...> Как ни говори, а по волостям я все-таки буду что-нибудь значить».¹⁶ Таким образом, вновь звучит тема о близости к власти (теща исправника!) как источнику обогащения.

Действие комедии-водевиля Д. И. Брайкевича «Добавление к Дворянским выборам» (1842), происходит в новых условиях, когда богатые помещицы получили право голоса на выборах. Какие изменения в положении женщины на дворянских выборах за эти годы нашли отражение на страницах литературных произведений? Отметим, что само появление этой пьесы свидетельствует о достоверности изображения нравов и электоральных реалий в упомянутых пьесах Г. Ф. Квитки. О сценической судьбе водевиля найти информацию не удалось, но в Российской государственной библиотеке хранится экземпляр, на свободной странице которого есть список лиц, подписавшихся на это издание. Известно, что 3 книги заказал генерал-губернатор Новороссии М. С. Воронцов и 2 экземпляра — его супруга.

Бывший предводитель дворянства Беззубов у Д. И. Брайкевича — это развитие образа главного отрицательного персонажа пьесы Г. Ф. Квитки — Староплутова. Оба приезжают на выборы с «запасными» и в сопровождении племянниц («дочерей»), которых используют для реализации целей своей электоральной кампании и укрепления влияния в уезде: Староплутов намерен выдать племянницу за уездного предводителя, а Беззубов — за уездного судью, поскольку для него это важнее. Молодые женщины выступают как товар, который реализуется на электоральном рынке с целью увеличения властного капитала «отцов». Ни о каком участии «дочерей» в публичном про-

странстве дворянских выборов дядюшки и не помышляют. В реальной жизни полагалось вывести «дочерей» в свет — на бал или концерт — все с той же целью — показать товар лицом, но ни Г. Ф. Квитке, ни Д. И. Брайкевичу такие сцены в их пьесах не были нужны.

У Д. И. Брайкевича в комедии нет «матерей», на сцене выведены лишь «дочери» — племянница Беззубова Юлия Эрастовна Рискалова и ее приятельница Лиза Проворкина. Их имена отсылали образованного читателя к знакомым литературным образам: Юлия — героиня романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», а Элоиза была возлюбленной средневекового французского философа Пьера Абельяра; она ушла в монастырь после того, как по приказанию ее отца Абельяра оскопили. Юлия же, овдовев, не думает удаляться от мирской жизни, напротив, она занята поисками нового спутника жизни. Отчество героини восходит к персонажу повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» — Эрасту, молодому офицеру, из-за несчастной любви к которому и покончила с собой Лиза. Однако подруга Юлии Лиза Проворкина — девушка иного склада. Д. И. Брайкевич, наделяя женские персонажи именами сентиментальных героинь, создавал пародию и осмеивал современные нравы.

Д. И. Брайкевичу удалось показать, что публичное пространство выборов не ограничивается залом дворянского собрания. Публичное пространство проникает в приватную сферу, и наоборот, приватное прорастает в публичное. Так, племянницу Беззубова Юлию с подругой Лизой неожиданно посещают четыре титулярных советника, искавших покровительства. Оригинальный поворот сюжета придает то обстоятельство, что они ищут покровительства не закулисного кукловода уездных выборов Беззубова, но Юлии, которая выступает для них не в качестве его племянницы, а в роли будущей супруги уездного судьи. Беззубов и Беловласов утром перед выборами лишь договорились о браке, но не успело утреннее заседание завершиться, как невесту будущего судьи уже посещают заинтересованные лица. Приватное и публичное в пространстве губернских выборов взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга значительно интенсивнее, чем в обыденной жизни. Юлия к моменту прихода посетителей еще не приняла решения о замужестве, но они уверены в предстоящем браке.

¹⁶ Там же. С. 380, 382.

Автор знакомит читателя с Юлией в момент сложного выбора. Она, похоронив молодого мужа, недавно потеряла и любовника, решившего вернуться к жене. Перед ней непростой выбор — согласиться с дядей и выйти замуж за пожилого Беловласова или остаться вдовой, ждущей более привлекательного жениха: «имевши молодого мужа, молодого любовника, теперь выходить замуж за старика? <...> О! это ужасно, невыгодно, нестерпимо, накладно, и больно, и скучно, и мучительно».¹⁷ Здесь героиня перемежает наречия, описывающие ее психологическое состояние, с наречиями, относящимися к сфере товарно-денежных отношений («невыгодно», «накладно»). Юлия и Лиза по возрасту близки к «дочерям» из комедий Г. Ф. Квитки, но по своим взглядам они преемницы Матрены Спиридоновны. Их, пожалуй, отличает от нее лишь «эмансипированное» поведение в любви и в браке. Юлия и Лиза, подобно исправнице, обнаруживают умение пользоваться моментом, требуя с титулярных советников подарки к предстоящей свадьбе. Приход просителей открывает глаза Юлии на новые возможности, которые даст ей замужество. Она и раньше, представляя выгоды статуса жены судьи, думала о «подарках» от тяжущихся сторон. Заманчивые перспективы легкого получения денег кладут конец ее сомнениям: «Вот что значит, Лизенька, быть на службе, быть в должности! — Едва только узнали, что я могу быть судьейшою или судьюхою, как и посунулись уже ко мне с поздравлениями, и с просьбами, и с подарками».

Лиза Проворкина горячо одобряет решение подруги. Она полагает, что в супружеской жизни всегда есть место адюльтеру: «Замуж выйти вам не худо: / Вы прекрасная вдова, / Хоть жених ваш стар — как чудо!... / И в том много есть добра... / Он вас больше позабавит / И, послушным бывши вам, / Чрез других все то доставит, / Что не в силах сделать сам...» Лиза дает советы, почерпнутые из окружающей обстановки и личного жизненного опыта: «Вот уж я — другое дело: / Не замужня, не вдова, / Поступаю слишком смело... / Что ж, как участь такова!... / Вы не смейтесь: это часто, / А не раз случалось здесь. / Не судите нас напрасно: / Много в свете есть чудес!»¹⁸

Д. И. Бражкевич, обличая корыстолюбие дворян, служащих по выборам и утверждавших, что сама судьба им повелела «брать и драть»,

добавляет новые штрихи к портрету выборного чиновника. Автор показывает иную сторону коррупции: все клиенты Беззубова от Беловласова до Молодейкина выражают готовность брать с женщин не деньги, а «еще лучшее», т. е. власть открывает ее носителям новые возможности для секса. Беловласов же, почувствовав, что излишне разоткровенничался при невесте, переводит разговор в другое русло: «За это уже получено, по договору, судейское место: так ничего более с вас не следует, и еще, напротив, я сам обязан отправлять к вам большую часть просителей, с подарками».¹⁹ Такова сущность сделки между Беззубовым и Беловласовым, который получает Юлию в обмен на свою судебную поддержку ее дяди и место уездного судьи в качестве приданого невесты. Само же «приданое» рассматривается как капитал, подлежащий эксплуатации обоими супругами.

Тема «женщины на выборах» получает развитие в «Дворянских выборах» Ф. А. Зинovieва, действие которого разворачивается незадолго до отмены крепостного права. Жанр этого произведения, впервые опубликованного в журнале «Современник» (№ 2, 1862), сам автор определил как «драматические сцены». Сюжет выстраивается вокруг выборов на уездные должности. Один из самых колоритных персонажей — супруга исправника Александра Герасимовна Розонова. Забота о замужестве двух дочерей, наряду с хлопотами о выборах мужа, — цель ее приезда в губернский город. «Матерям» Г. Ф. Квитки было легче: они оставались за кулисами выборов. Розонова же вторгается в публичное пространство выборов. Если Матрена Спиридоновна лишь призывала мужа бороться до конца, то Александра Герасимовна сама кует свое счастье, буквально сметая все на своем пути: она едва не роняет человека, преградившего ей вход в кабинет губернатора.

Можно ли рассматривать вторжение героини в кабинет губернатора как символический прорыв женщины-дворянки в сферу публичного, который начинает происходить в эти годы в обществе? На первый взгляд, никаких оснований для такой интерпретации нет. Мало ли в русской литературе XIX в. сцен, в которых дамы настойчиво добиваются приема в высоких кабинетах? И все-таки ее прорыв — это вторжение в публичное пространство выборов. Женские персонажи других произведений

¹⁷ Бражкевич Д. И. Добавление к Дворянским выборам. Одесса, 1842. С. 17, 18.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 38, 39.

просят о приватном (о пособии, помощи, защите и т. д.). Розонова же умоляет губернатора отменить решение о запрете мужу баллотироваться на выборах. Отмена такого запрета рассматривается ею как второй шаг к восстановлению «честного имени» супруга. Первый шаг был сделан судом, оправдавшим того, правда за взятку. Наконец, завершающий шаг — благоприятный исход баллотирования мужа на выборах — будет свидетельством его реабилитации в глазах дворянства губернии. Реализация этого плана и была вторжением в публичное пространство дворянских выборов, в которых женщина, как казалось, могла участвовать лишь опосредованно, передав свой шар, или в качестве зрительницы на губернском собрании и участницы культурно-досуговых мероприятий. Это те стороны публичной жизни дворянства в период выборов, о которых мы можем узнать из скупых строк архивных документов или мемуаров. Беллетристы же знакомят нас с участием женщин в закулисных событиях публичной жизни. В художественной реальности, созданной Ф. А. Зиновьевым, который в нескольких примечаниях утверждал, что это не вымысел, а зарисовки с натуры и подлинные факты, визит Розоной к губернатору стал достоянием губернского общества, обрастая вымышленными подробностями, намекавшими на близость между ними.

Героиня, добившись успеха у губернатора, не успокоилась и наставляет супруга: «Ты смотри, не вздумай отдыхать на лаврах. Помни, что тебе еще надобно позаботиться о шарах. Да еще нам многое осталось сделать. Детей устроить, пора ведь!» Исправница, «устраивая детей», и на балу не забывает о борьбе с конкурентами мужа. Услышав, что многие дворяне хотят выбрать Никонова, а самый богатый помещик Журавлев «почти переметнулся на их сторону», она побуждает мужа к действию: «Надобно работать, стараться! Еще время есть, не зевай, не зевай, Гриша, а то всякая дрянь, которую ты запугал, восстанет». Розонова и сама «старается», заявляя одному помещику, будто Никонов (один из трех положительных персонажей пьесы) хочет, став исправником, заставить того за бесценку продать ему имение.

«Дочери» на фоне активной «матери» выглядят бледно и статично. Разумеется, другого было бы трудно ожидать при их незавидном гендерном статусе — незамужних девушек, всецело находящихся под контролем родителей и зависящих от их благорасположения. При этом де-

вушки несколько тяготятся дурной репутацией отца. Младшая дочь даже осуждает его: «Да уж папенька слишком! Весь уезд в один голос трубит, что он с живого и с мертвого дерет».²⁰ Но дочери обвиняют родителей не в этом, а в том, «что для дочерей ничего не хотят сделать». Возникшая перебранка матери и дочерей Розоновых на конфликт поколений явно «не тянет», поскольку девушки идут по стопам матери. Конечно, они более воспитанные, у них лучше вкус, чем у родителей, что и понятно: родители происходят из среды мелкопоместного дворянства и «приказных», а дочери живут в хорошо обеспеченной дворянской семье, владеющей 400 крепостными душами. Однако, в целом, различия между двумя поколениями одной семьи у Ф. А. Зиновьева не имеют принципиального характера. В пространстве же публичной сферы, возникшей вокруг выборов, они находятся на периферии, если не считать казуса, когда Розонова влетела в кабинет губернатора и тем перевернула уже казавшийся очевидным расклад выборов в одном интересующем ее уезде. «Нормальный» удел дам такой, каким он был и 30 лет назад в пьесах Г. Ф. Квитки: они остаются почти целиком в сфере приватной жизни.

Все женские персонажи даже не наблюдают непосредственно за событиями, происходящими на губернском съезде, т. е. не участвуют лично в публичной сфере выборов. Что это: полное отсутствие интереса к выборам, вызванное невысоким образовательным уровнем дворянок, или же такое устройство зала дворянского собрания, когда для зрителей нет в нем места? Конечно, легко все объяснить уровнем интеллектуальных и культурных запросов дворянства. И такая интерпретация будет опираться на тексты пьес Г. Ф. Квитки, Д. И. Брайкевича и Ф. А. Зиновьева, в которых нет женских персонажей, занятых чтением журнала или книги. Однако у Д. И. Брайкевича «дочери» образованнее мужских персонажей. В пьесах авторов происходившее на выборах активно обсуждалось женщинами, получавшими информацию от мужчин (мужей, родственников, знакомых) — непосредственных участников выборов — или даже от дворовой прислуги. Но и объяснять отсутствие женских персонажей непосредственно на выборах тем, что в залах дворянских собраний не предусматривались места для публики, было бы наивно. Идеальным,

²⁰ Зиновьев Ф. А. Дворянские выборы // Сцены и рассказы. СПб., 1865. С. 5.

например, было устройство колонного зала Российского благородного собрания в Москве, но ни в мемуарах, ни в беллетристике нет свидетельств интереса к происходившим выборам со стороны москвичек. Очевидно, что интересы дам, принадлежавших к столичной элите, были связаны с карьерой их близких при дворе и на государственной службе, а не на выборной.

Иная гендерная реальность в «Дворянских выборах» В. В. Селиванова, действие которых происходит накануне отмены крепостного права. Бывший жандармский офицер В. В. Селиванов примкнул к «обличительному» направлению, надеясь на искоренение «злоупотреблений», в частности, с помощью литературы. У него появляется новая часть электората, отсутствовавшая до 1832 г. «Другое средство увеличить силу партии — это набрать поболее дамских уполномочий. Для этого, задолго еще до выборов, головы партий и их деятельные сподвижники принимают всех стодушных помещиц. Это большею частию старые девицы или вдовы. К живущим в деревнях едут сами, даже делают новые знакомства, действуют на них чрез родных, на старух ханжей чрез попов, рассыпаются перед ними в любезностях, уверяют в преданности к ним и в святости своего дела, и затем получают от них бланковые письма, в которых оставляется только пробел для вписания имени и отчества милостивого государя, кому предоставлен в распоряжение шар. Если же барыни эти живут в столицах или в отдаленных губерниях, то стараются приискать человека, чрез которого можно бы было написать и выманить бланк. Все это иногда стоит значительных хлопот и расходов, но честолюбцы ничего не жалеют». Вот так, с иронией, описывает В. В. Селиванов приемы и методы борьбы «партийных» агентов за голоса помещиц. Погоня за дамскими доверенностями сродни покупке «мертвых душ» Чичиковым. Голоса помещиц, как и «мертвые души», могли быть бесполезны, но, попадая в руки таких дельцов, как Чичиков и Жучков, они становились капиталом, финансовым, в одном случае, электоральным — в другом. Борьбе за «женские уполномочия» автор придавал исключительное значение: «Количество приобретенных бланков дает на выборах главнейший перевес той или другой партии, и потому для приобретения их не жалеют ни лести, ни лжи, ни клеветы, и благо тому, кто успел набрать поболее уполномочий».²¹

Проверим это утверждение по материалам Тамбовской губернии. В 1846 г. из 157 человек, прибывших на выборы, 34 (21,7%) отдали двумя шарами.²² В 1855 г. было предъявлено 33 женские доверенности — (20% всех голосов).²³ Но в декабре 1860 г. произошел трехкратный рост количества «женских уполномочий»: около 100 дворянок передали свое право голоса мужчинам, из которых более половины (55 человек) были «посторонними».²⁴ Таким образом, электоральная реальность одной из губерний накануне отмены крепостного права совпадает с художественной реальностью, созданной бывшим жандармом Селивановым не силой своего таланта, но тонким пониманием борьбы, происходившей на выборах.

Хотя дамский электорат остался за чертой публичного пространства выборов, но В. В. Селиванов показал активнейшую роль супруги губернатора Фатимы Николаевны в избирательной кампании. Имя этой героини (оно встречается у жен турецких султанов) должно было указывать на ее склонность к интригам. Губернаторская чета решает сместить действующего губернского предводителя дворянства. Для агитации в пользу своего кандидата (князя) губернаторша действует через знакомых дам. Она становится посредником между мужем и другим претендентом на место предводителя. Эту миссию Фатима Николаевна осуществляет во время визита к его супруге: «Его так любит Кондратий Александрович, и я вам скажу откровенно, что все 100 шаров людей, ему преданных, к вашим услугам».²⁵

«Хозяйка» губернии по разным каналам вбрасывает в общество информацию и дезинформацию, которые становятся важнейшим фактором всей электоральной кампании: «Новость, пущенная в ход Фатимой Николаевной, была поводом встревоженного состояния духа, за немногими исключениями, всего дворянства, отчасти поводом тому тяжелому впечатлению, которое при других обстоятельствах не произвела бы газетная статья». Итак, «новость» губернаторши оказывается более влиятельной, чем пресса: она обсуждается «не только во всех углах, за всеми карточными столами и в уборной дам, но даже во время танцев...»²⁶

Т. 2. Владимир, 1902. С. 211.

²² ГАТАО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 5830. Л. 43–46об.

²³ Там же. Д. 6698. Л. 5–6.

²⁴ Там же. Д. 7066.

²⁵ Селиванов В. В. Указ. соч. С. 240.

²⁶ Там же. С. 240, 241.

²¹ Селиванов В. В. *Дворянские выборы* // Селиванов В. В. Соч.

Когда же князь, фаворит избирательной кампании, терпит фиаско, губернаторша пытается убедить мужа в незаконности баллотирования. После избрания Брагина предводителем она, «сидя на хорах, не могла на мгновение скрыть своей досады», что не помешало ей потом «с выражением в глазах самого теплого участия и непритворной радости поздравить с блестящим избранием».²⁷ В. В. Селиванов едва ли не первым в русской литературе отразил новый гендерный аспект дворянских выборов. Не только «хозяйка» губернии, но и другие женщины предстают у него в качестве заинтересованной публики во время выборов. В дни баллотирования они неизменно присутствуют в зале собрания. В. В. Селиванов ироничен при описании дам на выборах: он фактически отрицает наличие у дворянок серьезного интереса к происходящему, но фиксирует их регулярное присутствие в публичном пространстве дворянских выборов, хотя бы в качестве зрительниц.

Подводя итоги, отметим, во-первых, следующее: литературная реальность, созданная русской беллетристикой середины XIX в., позволяет констатировать, что юридическое признание за обладательницами крупной собственности избирательного права (реформа 1831–1832 гг.) не привело к заметному изменению положения женщин в публичном пространстве. Во-вторых, присвоение женщинами права на участие в общественной жизни, хотя и встречает насмешки беллетристов, становится, как показано в произведениях начала 1860-х гг., потребностью части женщин среднего возраста. В-третьих, интерес дворянок разных поколений к этой сфере появился лишь накануне эпохи Великих реформ, во время обсуждения предстоящих перемен, что было обусловлено и важностью вставших перед обществом вопросов переустройства жизни, и готовностью женщин молодого и среднего возраста, благодаря росту их образовательного уровня, к пониманию происходивших дискуссий.

Alexander I. Kupriyanov

Doctor of Historical Sciences, Institute of the Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: akupriyanov@rambler.ru

“MOTHERS” AND “DAUGHTERS” IN THE PUBLIC SPACE OF THE NOBILITY ELECTIONS IN THE 1820–1850s: BETWEEN HISTORY AND LITERATURE

The article is a discussion of the inclusion of women in the public space of the nobility elections. Gender aspects of women's participation in the elections are analyzed within the context of the nobility's public sphere formation preceding the emergence of the bourgeois public environment. Owing to their open nature the elections played an important role in the female members of the nobility involvement in public life. The goals and motivations for the participation of women from different generations in the provincial nobility assemblies have been studied on materials from the Russian fiction of the late 1820s — early 1860s. The texts describing the provincial nobility elections (G. F. Kvitka, D. I. Braikевич, V. V. Selivanov, F. A. Zinoviev) revealed the evolution of the electoral behavior of women of different age groups. Noblewomen of the middle and older generations (“mothers”) came to a provincial capital with two goals in mind: supporting the election campaigns of their husbands and finding a suitable match for the “daughters”. The “mothers”, who generally stayed away from the public space of the elections, nonetheless made their contribution to the fight between different nobility groups. The daughters remained at the sidelines of the elections. For instance, in G. F. Kvitka's and D. I. Braikевич's plays they were shown as a mere commodity, a means for strengthening the electoral capital of the “fathers”. V. V. Selivanov was the first to describe women as part of the electorate. The fiction of the beginning of the 1860s had already shown signs of new patterns in the electoral behavior of the middle-age and young noblewomen: their physical presence at the elections as part of the audience, active participation of the “mothers” in the electoral campaigns of different “parties”.

Keywords: *Russia, the nobility, the public sphere, public space, civil society, gender, election literature*

REFERENCES

- Habermas J. *Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: Polity Press., 1989. 301 p. (in English).
- Korchmina E. S. “*Nabrat pobolee damskikh upolnomochiy*”: *uchastie dvoryanok v soslovnykh vyborakh v Rossii v pervoy polovine XIX v. (po materialam Ryazanskoj gubernii)* (“To collect more ladies' votes”: noble women's participation in the gentry's elections of the first half of the nineteenth century (Ryazan region case)). *Rossiyskaya istoriya* (Russian History), 2015, № 6, pp. 18–25. (in Russ.).
- Kupriyanov A. I. *Dvoryanskie vybory v Rossii (1831–1861 gody)* (Elections of the nobility in Russia (1831–1861)). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* (Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology), 2014, Vol. 13, Issue 1, pp. 51–60. (in Russ.).

²⁷ Там же. С. 224, 258, 264, 267.